

Священник Игорь Иванов

**ЮГОСЛАВСКИЙ АКАДЕМИК
Г. А. ОСТРОГОРСКИЙ (1902–1976) И ЕГО РАБОТЫ
О ВИЗАНТИЙСКОМ ИКОНОПОЧИТАНИИ**

(к 115-летней годовщине со дня рождения)

В статье говорится о том, как в сербскую, а затем югославскую, византинистику вошел русский эмигрант Георгий Острогорский, который вобрал в свой научный арсенал как русскую дореволюционную школу в лице классической гимназии, где он учился, так и европейский образовательный и научный метод на примере университетов Сорбонны и Гейдельберга. Также, в силу своих близких контактов с пражским и белградским кругом русской научной эмиграции, он приобщился к общеславянским культурным и научным традициям, что позволило ему органично вписаться в сербскую научную жизнь. Концепт «византизм» раскрывается в его трудах в разнообразных ракурсах: социальном, политическом, экономическом, цивилизационном, при этом нужно отметить, что в межвоенный период Острогорский увлеченно исследовал проблематику византийского богословия и философии, особенно вопросы иконопочитания и иконоборчества. В данной статье приводятся некоторые биографические сведения, проливающие свет на неизвестные страницы из жизни ученого в первый период его научной карьеры, а также излагается его понимание сути иконоборческой полемики.

Ключевые слова: византинистика, византийское богословие, философия, иконоборчество, иконопочитание, Г. А. Острогорский, А. В. Флоровский.

В начале 2017 года исполнилось 115 лет со дня рождения выдающегося югославского византолога русского происхождения Георгия Александровича Острогорского. Его имя носит основанный им Византологический институт в Белграде, а также одна из улиц сербской столицы.

Георгий Александрович Острогорский родился 6 (19) января 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье известного российского педагога и общественного деятеля Александра Яковлевича Острогорского (1868–1908) и Александры Константиновны Острогорской, урожденной Леман (1871–1937): она была дочерью офицера русского флота, капитана фрегата

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igivan74@mail.ru).

Константина Павловича Лемана (1838–1891) и Марии Николаевны Бутеньевой (1846–1879).

Александр Яковлевич Острогорский родился в Гродно 20 октября (1 ноября) 1868 года. После окончания в 1892 году юридического факультета Петербургского университета он служил в учебном отделе Министерства финансов. Есть данные, что у него был чин коллежского асессора¹. В 1895 году он был назначен членом учреждённой при Министерстве народного просвещения Комиссии по подготовке Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, прошедшей в 1896 году. Александр Яковлевич организовал на ней учебный отдел, а в 1900 году — русский отдел по народному образованию на Всемирной парижской выставке (под эгидой князя Вячеслава Николаевича Тенишева).

Александр Яковлевич
Острогорский

Нужно отметить, что к концу XIX века состояние князя В. Н. Тенишева было миллионным, и это позволило ему удалиться от дел и заняться научным трудом и общественно-полезной и благотворительной деятельностью. Он участвовал в деятельности Русского императорского музыкального общества, серьезно занимался наукой (у него вышло несколько книг), являлся основателем и попечителем престижного учебного заведения (Тенишевское училище), организатором научного центра (Этнографическое бюро), исследующего, как бы сказали сегодня, социальную психологию и общественные интересы разных слоев общества. И именно на рубеже двух столетий А. Я. Острогорский и князь В. Н. Тенишев разрабатывают новую педагогическую доктрину, согласно которой и создают училище нового типа, в основу работы которого положено бережное, гуманное отношение к личности ребёнка, её разностороннее развитие, внимание к индивидуальным особенностям ученика.

Специально для образовательных целей А. Я. Острогорский создал учебную книгу «Русское правописание. Руководство к его наглядному изучению. Статьи для списывания» (1908, 1913) и хрестоматию «Живое

¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 14.

Анна и Александра Леман

слово» (1907–1909, 1916), служившую для семейного чтения и пользовавшуюся популярностью у нескольких поколений детей. Хорошо изданное, с тщательно подобранным литературным материалом, иллюстрированное репродукциями работ В. В. Верещагина, И. Н. Крамского, И. И. Левитана, В. Г. Перова и др. известных художников, «Живое слово» знакомило с лучшими произведениями русской классики, а также писателей начинавшегося XX века.

Отметим еще, что в начале XX в. А. Я. Острогорский выступал как активный деятель многих общественно-просветительских организаций. В 1905–07 гг. он был одним из организаторов Союза учителей и деятелей по народному образованию (позднее Всероссийский учительский союз), участвовал в подготовке проекта реформ среднего образования, избран гласным Санкт-Петербургской Городской думы, учредил высшие юридические курсы. Скончался А. Я. Острогорский в Петербурге 1 (14) октября 1908 г.

Георгий, Елена, Константин, Анна
Острогорские

В семье А. Я. и А. К. Острогорских родилось четверо детей. Первым ребенком был Константин (1898–1984). Он стал историком искусства, прожил долгую жизнь и скончался в Швеции². Вторым ребенком была Елена (1900–1971), она стала переводчицей, жила и скончалась в Финляндии. Третьим ребенком был Георгий (1902–1976), будущий выдающийся византолог. Четвертой родилась

² В 1932 году Константин Острогорский защитил диссертацию о Жозефе де Местре в Гейдельбергском университете, изданную затем в Хельсинки (*Ostrogorsky K. Joseph de Maistre und seine Lehre von der höchsten Macht und ihren Trägern*, Helsingfors. 1932. 72 S.).

Анна (1904–1988), после эмиграции она жила и скончалась в Югославии.³

В 1910 году Александра Константиновна вторично вышла замуж за преподавателя истории в Тенишевском училище Василия Романовича Зоммера⁴ (1872–1946), а в 1911 г. у них родилась дочь Александра (1911–2004). А. К. Зоммер-Острогорская продолжила составление хрестоматии «Живое слово», а в 1915 году издала под своим именем «Маленькое Живое слово» для учеников подготовительного класса средней образовательной школы. Помогал ей в этом В. Р. Зоммер. Книга была посвящена «Дорогой памяти Александру Яковлевичу Острогорскому».

Георгий Александрович
Острогорский

В 1919 году Георгий Острогорский окончил классическую гимназию в Петрограде. В первые послереволюционные годы семья Зоммеров-Острогорских испытывала серьезные трудности. По воспоминаниям Ольги Георгиевны Острогорской-Якшич, старшего сына Константина несколько раз пытались забрать в Красную армию. Хлопотами В. Р. Зоммера этого удавалось избежать. Но с продолжительностью становилось все труднее и труднее. Из фрагментов писем Александры Васильевны Зоммер⁵, любезно предоставленных О. Г. Острогорской-Якшич, мы узнаем следующее:

«Несчастливая мама, она ведь до конца жизни рассказывала, как поздно вечером к ней пришли, держась за руку (что они всегда делали в серьезные минуты) Гриша и Анна и сказали: „Мама, нам ужасно хочется есть!“ И она, бедная мама, только и могла ответить: „Идите скорее спать, завтра мы что-нибудь найдем...“ Кажется, это был тот самый инцидент, который ее заставил согласиться на побег из Петербурга, махнув рукой на *Живое слово*, квартиру и обстановку».

³ Иванов И., свящ. Новые материалы к биографии академика Г. А. Острогорского // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 119–120.

⁴ Василий Романович — он же Вильям Робертович Зоммер — был сыном учителя из Петришуле по имени Эрнст Роберт Карлович Зоммер (1832–1902), из рижских граждан.

⁵ Она же Александра Васильевна Сомерсало (1911–2004).

«3-го марта 1920 года на дровнях в туманную ночь мы отправились в путь из Ораниенбаума в Финляндию. Мы, т. е. вся семья кроме Коти, который уже был в Финляндии, потому что его уже дважды забирали, как дезертира, и с трудом его фатер вызволял... Благодаря густому туману им удалось перейти финскую границу...»⁶

Так семья Зоммеров-Острогорских навсегда покинула родину. Спустя 17 лет Александра Константиновна скончается в Хельсинки в возрасте 66 лет.

В 1921 году Георгий Острогорский поступил на философский факультет Гейдельбергского университета (Германия). В 1924–1925 годах он изучал византологию в Сорбонне, после чего, вернувшись в Гейдельберг в 1925 году, защитил на немецком языке свою докторскую диссертацию под названием «Сельская податная община в Византийском царстве в X веке» («Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrhundert» // Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. 1927. Bd. 20. S. 1–108).

Сам Г. А. Острогорский о пробуждении своего интереса к византийским занятиям так писал русскому византологу Ф. И. Успенскому: «Византийской историей начал заниматься незадолго до окончания Гейдельбергского университета. Непосредственных учителей в области византиноведения у меня не было, взялся я за такую работу (докторскую диссертацию по экономической истории Византии) по собственной инициативе и проводил ее на свой риск и страх, так как византологов в Гейдельберге, где я прошел и окончил университет, нету. По окончании университета (в 1925 г.) я уже не переставал заниматься византийской историей и, в частности, обратился к изучению иконоборческого периода»⁷.

В 1926–1928 годах Г. А. Острогорский преподавал в Гейдельбергском университете. В 1927 году он участвовал во II Международном византологическом конгрессе в Белграде, будучи активным сотрудником Семинария им. Н. П. Кондакова: согласно отчету, «Семинарий в лице проф. А. П. Калитинского, проф. Г. В. Вернадского, Г. А. Острогорского, Н. М. Беляева и Н. П. Толля принимал участие во II Международном византологическом конгрессе в Белграде с 11 по 16 апреля 1927 года. Г. А. Острогорский выступал с докладом “Die pseudoepiphanischen

⁶ Из личной переписки автора с О. Г. Острогорской-Якшич.

⁷ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 256. Л. 3–3 об. Письмо Г. А. Острогорского Ф. И. Успенскому от 11.01.1928.

Schriften gegen die Bilderverehrung als Bindeglied zwischen den ikonoklastischen Synoden von 755 und 815”⁸. В этом же отчете говорится, что на заседании Семинария в день памяти Н. П. Кондакова 4 апреля 1927 года был прочитан доклад доктором Гейдельбергского университета Г. А. Острогорским «Отношение византийских иконоборцев к почитанию Божией Матери и Святых». К сожалению, этот доклад не был опубликован. А в выпуске сборника Семинария за 1928 год Г. А. Острогорский напечатал свой «Отчет о докладах исторической секции Международного конгресса византологов в Белграде».

Ирина Николаевна
Зауер

В этот гейдельбергский период своей жизни Г. А. Острогорский создает семью.

В 1927 году он женился на Ирине Николаевне Зауер (1905-1948), а в 1928 году у них родилась дочь Ольга.

После защиты докторской диссертации Острогорский плотно занимается темой иконоборчества и предоставляет работу для получения звания приват-доцента «К истории византийского иконоборчества» — *Studien zur Geschichte des Bilderstreites* (Breslau, 1929)⁹. Можно сказать, что это была вторая полноценная диссертация — монография

⁸ *Калитинский А. П.* Отчёт о работах Семинария имени Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // *Seminarium Kondakovianum*. II. Прага, 1928. С. 378.

⁹ Этой работе уделяет свое внимание современный исследователь текстов патриарха Никифора: *Луховицкий Л. В.* Основное богословско-полемическое сочинение патриарха Никифора Константинопольского «*Apologeticus atque Antirrheticus*»: опыт комплексного историко-филологического анализа / дисс... канд. филол. наук. М., 2010. Так, на с.19 он отмечает, что «Острогорский пришел к выводу о сильном монофизитском влиянии на богословие иконоборцев». Впрочем, нужно подчеркнуть, что Г. А. Острогорский говорит о том, что в иконоборчестве проявились прежде всего вопросы христологии: от докетизма и ранних христологических ересей до монофизитства и монофелитства. Он отмечает при этом, что император-иконоборец Константин намеренно избегает употребления формулы Халкидонского догмата: «...в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого...». См.: *Ostrogorskij G.* *Studien zur Geschichte des Bilderstreites*. Breslau, 1929. S. 24–25.

на 113 страниц. По замечанию проф. А. П. Калитинского, «эта работа дает ряд реконструируемых (преимущественно на основе рукописного материала) текстов утерянных иконоборческих произведений VIII и IX вв. с подробными комментариями этих текстов. Острогорский ездил в Париж для изучения рукописей неизданных произведений патриарха Никифора»¹⁰. 3 ноября 1928 года Г. А. Острогорский получает звание приват-доцента и место в университете в Бреслау (Бреславль, или Вроцлав, в Силезии).

Интересно отметить, что свою первую открытую лекцию в университете Бреслау, прочитанную на немецком языке именно 3 ноября 1928 года, Острогорский затем опубликует в виде статьи «Die wirtschaftlichen und soziale Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches» [Социально-экономические основы развития византийского государства] // Vierteljahreschr. F. Sozialu. Wirtschaftsgesch. 22. 1929. S. 129–143. В течение пяти лет (1928–1933) Г. А. Острогорский преподает византийскую историю в Бреслау и является директором культурно-исторического отделения Бреславского восточноевропейского института (Ost-Europa Institut). При этом у него сохранялись тесные связи с русскими коллегами в Праге. Например, с 1929 по 1947 год он активно переписывался с профессором Антонием Владимировичем Флоровским. В связи с этим можно упомянуть о том, что в конце 1932 года Острогорский предлагал А. В. Флоровскому написать статью в немецкий научный журнал *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*¹¹, отмечая в письме от 6 декабря 1932 года, что поскольку с 1933 года он будет входить в редакцию, «затруднения с русскими рукописями, разумеется, совершенно отпадают. Гонорар составляет 40 марок за лист. Это, конечно, весьма скромно, но, к сожалению, денежное положение Ost-Europa Institut'a настолько трудно, что ничего не поделаешь»¹². Однако в письме от 8 января 1933 года Острогорский обнадеживает друга тем, что «удалось теперь фиксировать гонорар на 50 марок¹³, поскольку восторжествовала моя точка зрения, что нельзя делать никаких различий между рукописями, требующими перевода и не требующими такового, а перевод является накладными

¹⁰ Калитинский А. П. Отчет о работах Семинария... С. 379.

¹¹ Этот ежегодник «Культура и история славян» будет закрыт в ноябре 1935 года, просуществовав более 11 лет с января 1924 года.

¹² АРАН. Ф. 1 609. Оп. 2. Д. 349.

¹³ 50 серебряных рейхсмарок времен Веймарской республики равнялись 12 американским долларам.

расходами института и автора не касается»¹⁴. Между делом Острогорский сообщает, что в первом номере журнала выйдет статья П. Б. Струве о Толстом и статья самого Острогорского о проекте «табели о рангах» при царе Федоре Алексеевиче¹⁵. Но 11 апреля 1933 года Г. Острогорский пишет А. В. Флоровскому следующее: «Спешу поблагодарить Вас за вашу интересную и очень содержательную статью о Платонове и Кизеветтере¹⁶, а также за обстоятельную рецензию на книгу Мякотина. Не знаю, удастся ли поместить Вашу статью в первом номере этого года, который почти готов, тем более, что придется ведь переводить ее. Но в самом крайнем случае отложим ее до второго выпуска, который появится приблизительно в июле»¹⁷.

П. Б. Струве и Г. А. Острогорский
на II Международном византологическом конгрессе
в Белграде (апрель 1927 года)

Так сложилось, что вскоре Георгий Острогорский вынужден был свернуть все свои планы, связанные с журналом и с работой в Бреслау. Весной 1933 году, после прихода к власти нацистской партии Гитлера, Острогорский был обеспокоен тем, что его еврейское происхождение затруднит жизнь в Германии. Об этом он доверительно писал своему другу и коллеге

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ostrogorskiy G. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven N. F. 9 (1933). S. 87–138.* В этой статье говорится о разных попытках «византинизации» общественной жизни в России XVII века. Более подробно см. *Иванов И., свящ.* Византийская и русская государственность в трудах академика Г. А. Острогорского // *Христианское чтение.* 2014. № 5. С. 70–80.

¹⁶ Как явствует из архивного фонда А. В. Флоровского, таковой статьи опубликовано не было. Зато в нем есть рукопись статьи «Памяти А. А. Кизеветтера», опубликованной в «Записках Русского научного института в Белграде» (вып. 2. 1934. С. 1–15). См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 44. Возможно, у обеих статей был общий черновой материал.

¹⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 349.

Н. П. Толлю в своем письме от 20 апреля 1933 года: «Судьба человека здесь сейчас зависит от его происхождения. Во-первых, я не германец, а русский. Во-вторых, предки мои со стороны отца — евреи. Не знаю даже, известно ли это Вам... Я никогда не ощущал и не ощущаю никакой связи с еврейством и, конечно, ни в какой мере не считаю себя евреем... Об этом мне даже подумать странно. <...> Вы после смерти Ник<олая> Мих<айловича> звали меня в институт. И вот мне подумалось написать Вам и спросить Вас, не было ли бы это, в случае чего, возможно теперь. <...> Пишу я все это Вам в виду огромной дружбы, которая меня с Вами связывает, и прошу Вас ответить мне совершенно откровенно. <...> О своих собственных мыслях и чувствах писать не стоит, Вы их и так поймете. Я бы ничего не сказал, если бы мне предстояли лишения за то, что я русский и что я православный, за мои политические или какие угодно другие убеждения, но за то, что происхождение мое не вполне *арийское*... Возьмете ли меня в Институт?»¹⁸. И в том же 1933 году он получает приглашение на кафедру византологии философского факультета в Белградском университете. Кстати говоря, эта кафедра была основана в 1906 г. известным сербским византологом, профессором Драгутином Анастасиевичем (1877–1950), с которым Острогорский имел честь познакомиться еще в 1927 году, принимая участие во II Международном византологическом конгрессе в Белграде и произведя на присутствующих глубокое впечатление. Он тогда посетил сербские монастыри Студеницу, Грачаницу и Сопочане. В письме Вернадскому от 10 мая 1927 г. Г. А. Острогорский писал о конгрессе: «Если Николай Михайлович уже вернулся, то он, верно, рассказал Вам, что экскурсия в Нагоричино и Грачаницу была очень интересна, так же как и наша поездка с Окуневым в Нерез. Очень хорошо было и в Салониках, где мы с Ник<олаем> Мих<айловичем> провели четыре дня. На Афон мы не попали, так как можно было поехать туда только после Пасхи, и уже не хватало денег, да, пожалуй, на короткое время и не стоило»¹⁹. Во время конгресса Г. А. Острогорский познакомился с белградскими коллегами. И именно по рекомендации ведущих сербских медиевистов, прежде всего Станоя Станоевича и Драгутина Анастасиевича, последовало упомянутое приглашение, и в 1933 г. он прибыл в Белград, став профессором философского факультета Белградского университета²⁰.

¹⁸ АИИИ АН ЧП. К1-18/94. Л. 209.

¹⁹ АИИИ АН ЧП. К1-14. Л. 255.

²⁰ Здесь можно отметить, что, еще будучи доцентом в Бреслау, Г. Острогорский сохранял свое сотрудничество с Русским научным институтом в Белграде, где читал

По воспоминаниям О. Г. Острогорской-Якшич, «после переезда в Белград отец познакомился с очень образованной сотрудницей в Академии наук, и они вместе переводили его лекции, которые он читал студентам. В результате через два года они были опубликованы на сербском языке в виде работы «Автократор и самодержац. Прилог за историју владалачке титулатуре у Византији и у јужних Словена» [Автократор и самодержец. Заметки о развитии царской титулатуры в Византии и у южных славян] // Глас Српске краљевске академије наука. Т. 164, 1935. С. 95–187. А в 1947 г. была напечатана «Историја Византије», объемом в 296 страниц, в виде учебника для студентов. Нужно ли говорить, что перевод он сделал сам? Затем он подготовил к печати следующее, уже дополненное им самим, издание, в его же переводе. Помню, как он, сидя над этой работой, «ужасался», считая предыдущую книгу плохо переведенной. Он в таком совершенстве овладел сербским языком, что нередко его сотрудники (сербы) в Византологическом институте спрашивали у него, как лучше то или иное написать»²¹.

Здесь следует подчеркнуть, что труд «Автократор и самодержац...» довольно-таки объемный — он стал еще одной вехой, отметившей очередное изменение в научной карьере Г. А. Острогорского. На сходную тему им был сделан «Доклад о титуле *василевс* и коронации Симеона Болгарского в 913 г.» на III Международном византологическом конгрессе в Софии в 1934 году²².

лекции по приглашению. В институте также работали Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, И. Северянин, известный специалист по аэродинамике Д. П. Рябушинский, выдающийся биолог, член Пастеровского института в Париже С. И. Метальников, историки Е. Ф. Шмурло, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский, философы И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк. Для одного из сборников Института Г. А. Острогорский написал статью «Афонские исихасты и их противники. (К истории поздне-византийской культуры)» // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. Вып. 5. С. 349–370). Также Острогорский сотрудничал с одним из первых объединений русских ученых, сформированным еще в 1921 г. — Русским археологическим обществом, председателем которого был избран филолог и историк-славист, профессор Белградского университета А. Л. Погодин, ранее преподававший в высших школах Варшавы и Харькова. В одном из сборников общества Г. Острогорский опубликовал свою статью «Возвышение рода Ангелов» (Сборник Русского Археологического общества в Югославии. 1936. С. 111–120).

²¹ Из личной переписки автора с О. Г. Острогорской-Якшич.

²² *Grégoire H. Le Congrès de Sofia // Byzantion. 1935. № 10. P. 262.* Доклад потом был опубликован на немецком языке: *Die Krönung Symeons von Bulgarien durch den Patriarchen Nicolaos Mystikos // Bulletin de l'Institut Archéologique bulgare. 1935. № 9. S. 275–286* [Коронация Симеона Болгарского при патриархе Николае Мистике].

Отметим, что в 1934 году Г. А. Острогорский написал на сербском языке небольшую статью о возникновении Византии: «Из чега и како је постала Византија» // Српски Књижевни Гласник, 1934. С.508–514. Интересно то, что в самой статье дается несколько иное название, нежели указанное выше, данное в оглавлении — «Из чега је и како створена Византија». Также на сербском языке в этот период Острогорским были написаны статьи на разные темы: Синајска икона св. Јована Владимира [Синайская икона св. Иоанна Владимира] // Глас Српског Научног Друштва. 1935. № 14 С. 99–106; Историски развој Балканског полуострва у доба византиске превласти [Историческое развитие Балкан во времена византийского правления] // Књига о Балкану. Св. П. Београд, 1937. С. 92–100; Рад Ст. Станојевића на проучавању каснијег Средњег века византијске историје // Гласник истор. друштва у Новом Саду. XI. 1938. С. 67–74; Писмо Димитрија Хоматијана св. Сави [Письмо Димитрия Хоматияна св. Савве] // Светосавски Зборник. II. Београд, 1939. С. 89–113; Основни принципи источно-хришћанске иконографије [Основные принципы восточно-христианской иконографии] // Уметнички преглед. Београд. 1939. С. 43–45. В этой последней статье в популярной форме излагается христологическая догматическая основа православного иконопочитания.

В итоге можно сказать, что богословско-философскими вопросами Г. А. Острогорский занимался сугубо в межвоенный период, при этом наиболее плодотворными были годы с 1925 по 1930. Именно тогда им были проработаны сюжеты, отразившиеся потом в таких работах²³, как:

- Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества (1927).
- Гносеологические основы спора о святых иконах (1928).
- Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites (1929).

Первые две работы как бы концептуально предваряют обширное немецкоязычное исследование и частично содержат ряд его материалов, суждений и выводов.

Рассмотрим несколько ключевых положений из этих малодоступных русскоязычных статей Г. А. Острогорского по вопросам иконопочитания.

²³ Частично вопросов иконоборчества Г. А. Острогорский коснется в своей «Истории византийского государства» (1940), переведенной на русский язык лишь в 2011 г.

1) соединение вопроса об иконах с христологической догматикой органически свойственно православному сознанию. Иными словами, православное иконопочитание христоцентрично.

Эту идею Г. А. Острогорский обосновывает таким образом: «... мысль, что иконы служат ручательством за непризрачность воплощения Христа и обличением всяческого докетизма, была высказана в литературе православных с самого начала, при появлении самых первых и еще только единичных признаков надвигающейся на иконопочитание грозы. Мало того: если вполне определенно и ясно эта мысль была формулирована впервые патриархом Германом, — и в этом мы видим главную догматическую ценность его послания, — то намечалась она уже в конце VII века, т. е. еще задолго до возникновения иконоборчества императоров-исаврийцев. Она несомненно лежит в основе известного постановления Пято-шестого собора, 82-е правило которого предписывает, чтобы вместо древнего изображения Христа в виде агнца, на иконах писали бы Христа Бога нашего в человеческом облике, усматривая чрез этот образ высоту смирения Бога-Слова и приводя себе на память Его житие во плоти, страдание, спасительную смерть и происшедшее отсюда искупление мира»²⁴. Таким образом, по мысли Г. А. Острогорского, «соединение вопроса об иконах с христологической догматикой органически свойственно православному сознанию, а не является только простым полемическим приемом схоластической диалектики»²⁵.

Г. А. Острогорский отчетливо формулирует вывод о внятном христологическом исповедании иконопочитателей и внутренней аутентичности иконопочитания православному мышлению: «включение позднейшими авторами в свои произведения мыслей и аргументов апологетов предшествующего поколения ясно показывает непрерывность и единство линии в православной литературе эпохи иконоборчества. Такую линию мы получаем: от учителей Церкви конца VII века (Трульский собор и Иоанн Фессалоникийский) к Герману, от Германа и Иоанна Дамаскина к Григорию II, и далее к Георгию Кипрянину, который несомненно был знаком с произведениями всех этих авторов; от Дамаскина и Кипрянина к Иоанну Иерусалимлянину и автору *Речи против Константина*

²⁴ Острогорский Г. А. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. I. Прага, 1927. С. 40–41.

²⁵ Там же. С. 42.

Кабаллина; отсюда к VII Вселенскому Собору, и далее к Феодору Студиту и патриарху Никифору. И через всю эту цепь православной апологетики красной и связующей нитью проходит мысль, что иконами подтверждается истинность воплощения Христова и обличается неверие в истинность этого таинства. Повторяем еще раз: попытка низведения этой основоположной для всей православной литературы об иконопочитании мысли до положения вынужденного, полемического контраргумента, опрокидывается как историческими данными, так и философско-богословской экзегезой сочинений православных апологетов»²⁶.

2) иконоборцы нарочито приписали иконе «тождество» с изображаемым, говоря, что истинная икона должна быть единосушна изображаемому на ней лицу, что есть нонсенс или схоластический извод из аристотелевского учения.

Г. А. Острогорский пишет, что «понятие *образ, икона* в представлении иконоборцев означало нечто совсем иное, чем в представлении иконопочитателей: коль скоро для иконоборцев истинной иконой могло считаться лишь нечто такое, что было тождественно со своим *архетипом*, то только причастие они и могли признать иконой Христа. Для православных же иконопочитателей именно потому причастие уже не было *иконой* — образом, что оно тождественно со своим *архетипом*. Здесь мы подходим к глубокому различию, коренным образом разъединявшему борющиеся партии в самых основах их мышления. Для православных иконопочитателей икона не только не была *единосушна* (ομοούσιον) своему *архетипу* или *тождественна* с ним (ταυτόν), каковой в иконоборческом представлении она должна бы была быть, — напротив, согласно православным апологетами святых икон, в самом понятии слова *икона* (εἰκών) заключается сущностное различие образа от его *архетипа*»²⁷.

Далее Острогорский приводит развернутое объяснение элементарной нелогичности тезиса иконоборцев, тщавшихся навязать псевдо-логическое долженствование реальности:

«Икона есть подобие архетипа... или подражание архетипу и отражение его, своей сущностью, однако, от архетипа она отлична; икона сходна

²⁶ Там же. С. 47.

²⁷ Острогорский Г. А. Гносеологические основы спора о святых иконах // Seminarium Kondakovianum. II. Praha, 1928. С. 48.

с архетипом благодаря совершенству искусства подражания, сущностью же она от архетипа отлична. „Ибо если бы ни в чем она не отличалась от архетипа, то это была бы и не икона, а ничто иное, как самый архетип“. Так говорит патриарх Никифор. А у Иоанна Дамаскина читаем: Отнюдь не во всем икона подобна прототипу, т. е. иконописуемому. „Ибо одно — икона, а другое — иконописуемое“.

Икона известным образом связана с изображенным на ней лицом. Поэтому и честь, оказываемая иконе возносится к ее первообразу, как утверждали, ссылаясь на слова Василия Великого, православные иконопочитатели; и наоборот, поношение иконы означает поругание ее прообраза. Икона в известном смысле сопричастует своему архетипу, открывает возможность вступления в сношение с архетипом, открывает возможность его познания, но в существе своем она остается от прообраза отличной.

Для православных иконопочитателей прямо непонятно утверждение иконоборцев, что икона и изображаемый на иконе предмет должны быть тождественны. С присущим ему темпераментом говорит Феодор Студит: „Никто же не будет столь безумен, чтобы истину и тень ее... архетип и изображение его, причину и следствие мыслить по существу (κατ' οὐσίαν) тождественными“. Но ведь это-то как раз и делает, как мы видели, Константин V. Создается впечатление, что борющиеся партии вообще друг друга более не понимают, говорят на двух различных языках.

Положению Константина V: „если истинна икона, то она должна быть единосущна иконописуемому“ — противостоят диаметрально противоположные утверждения вождей православной партии: „Одно — икона, другое — иконописуемое“ и „сущностью же [икона от архетипа отлична, ибо если бы ни в чем она не отличалась, то это была бы и не икона“...»²⁸.

Фактически Острогорский выявляет в дискурсе иконоборцев формалистическое злоупотребление аристотелевской логикой, одновременно показывая диалектическое здравомыслие иконопочитателей:

«Иконоборческому мышлению доступно лишь два рода соотношений между предметами — их тождество и их различие. В сознании же православных иконопочитателей укладывается возможность известной связи двух предметов, известного соучастия одного в другом, даже и в том случае, когда сущностного тождества между ними не существует. Как продолжателям философских традиций антиномичного мышления

²⁸ Там же. С. 49.

православной догматики, иконопочитателям, помимо простых формул $A = A$ и $A^1 \neq A$, непосредственно очевидна была возможность одновременного различия и тождества, — ипостасного различия при сущностном тождестве (триединство!) и ипостасного равенства при сущностном различии (святые иконы!). Икона коренным образом отлична от своего архетипа *κατ' οὐσίαν*, она ему равна *καθ' ὑπόστασιν*, или *κατὰ τὸ οὐνομα*. Потому плодом чистейшего недоразумения нужно признать все усилия иконоборцев доказать, что икона не в состоянии передать истинного соотношения обеих природ Христовых²⁹. — Православные никогда и не стремились передать в иконе что-либо сущностно соответствующее природам Христа. Изображается на иконе, как ясно указывает Феодор Студит, вовсе не природа, а ипостась»³⁰.

Таким образом, можно предположить, что сам ход иконоборческой полемики ставит ряд вопросов, касающихся собственно мотивации иконоборческого дискурса: что это — «латентный рационализм» и связанное с ним неадекватное (нарочитое) употребление привычных, если не сказать «школьных», трактовок онтологических категорий (природа, ипостась, сущность) в рамках аристотелевской схоластики в византийской интеллектуально-духовной элите? Или же это — оторванная от веры и духовной жизни софистика ради самой софистики?³¹ А, может быть, это — искреннее (но упорное) заблуждение и непонимание диалектики оппонентов? Более того, чрезвычайно важно понять, как можно избежать

²⁹ Уместно привести весьма точное примечание к этому месту самого Г. А. Острогорского: «На иконоборческом соборе 754 года иконоборцы говорили: если вы пытаетесь изобразить на иконе как человеческую так и божескую природу Христа, то вы стремитесь к слиянию природ Христовых, а это есть монофизитство, и стараетесь изобразить божество Христа, неизобразуемое; если же вы хотите изобразить лишь человеческую природу Его, то вы тем разъединяете природы Христовы и вводите четвертую ипостась, а это есть несторианство. В постановлениях иконоборческого собора 754 года эти рассуждения играют центральную роль. — Характерно, что некоторые новейшие исследователи, особенно протестантские богословы, находят эти рассуждения не только остроумными, но и прямо-таки неотразимыми, не понимая, что они попросту бьют мимо цели».

³⁰ *Острогорский Г. А.* Гносеологические основы... С. 49.

³¹ Любопытно замечание современного исследователя В. А. Баранова: «Одним из самых искусных аргументов иконоборцев была так называемая христологическая дилемма. Согласно «Определению» собора в Иерии, изображение Христа вводит смешение природ во Христе или их разделение. До сих пор в науке была принята интерпретация христологической дилеммы как остроумного (или даже, по словам одного исследователя, «гениального») софизма». См.: *Баранов В. А.* Философия византийского иконоборчества // Сайт НГУ. URL: http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/Baranov_iconoclast.pdf (дата обращения: 20.01.2017).

подобных перекосов в теологических рассуждениях. В чем залог духовного, богословского «резвомыслия»? До каких пределов можно надеяться, что логосное выражение религиозного опыта будет адекватным высвечиванием в слове духовных реалий?

В заключение следует сказать, что изучение богословско-философской проблематики и понятийного аппарата, ее сопровождающего, напрямую связано с корректным изучением и внятной интерпретацией соответствующих византийских источников. Г. А. Острогорский был одним из тех, кто еще на исходе первой четверти XX века своими немногочисленными работами, посвященными иконопочитанию, сумел задать весьма высокую планку научной аналитики, о чем свидетельствует тот факт, что к его трудам обращаются вновь и вновь современные исследователи, занимающиеся изучением наследия средиземноморского культурного ареала в целом и византийского богословско-философского дискурса в частности.

Источники и литература

1. Баранов В. А. Философия византийского иконоборчества // Сайт НГУ. URL: http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/Baranov_iconoclast.pdf (дата обращения: 20.01.2017).
2. Иванов И., свящ. Новые материалы к биографии академика Г. А. Острогорского // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 119–141.
3. Иванов И., свящ. Византийская и русская государственность в трудах академика Г. А. Острогорского // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 62–81.
4. Калитинский А. П. Отчёт о работах Семинария имени Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // Seminarium Kondakovianum. II. Прага, 1928. С. 378–379.
5. Луховицкий Л. В. Основное богословско-полемическое сочинение патриарха Никифора Константинопольского «Apologeticus atque Antirrhethici»: опыт комплексного историко-филологического анализа / дисс... канд. филол. наук. М. 2010. 146 с.
6. Острогорский Г. А. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // Seminarium Kondakovianum. I. Прага, 1927. С. 38–48.
7. Острогорский Г. А. Гносеологические основы спора о святых иконах // Seminarium Kondakovianum. II. Прага, 1928. С. 47–51.
8. Grégoire H. Le Congrès de Sofia // Byzantion. 10. 1935. P. 259–281.
9. Ostrogorskiĭ G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. (Historische Untersuchungen, 5) = Amsterdam: Hakkert, 1964. 113 S.

Priest Igor Ivanov. Yugoslavian Academician G. A. Ostrogorsky (1902–1976) and His Works about Byzantine Icon Veneration (on the Occasion of the 115th Anniversary of His Birth).

In the article is described the way of Russian emigrant George Ostrogorsky from St. Petersburg pre-revolutionary gymnasia through exile to European universities such as Heidelberg and Sorbonne. He was able to accumulate different scientific methods and approaches Russian, German, French, Serbian (later Yugoslavian) due to his close contacts with European scholars and Russian scientific diaspora in Prague and Beograd what helped him to become one of the most prominent Yugoslavian byzantine researcher of the XX century. He analyzed the concept 'byzantism' in different angles and spheres: social, political, economic, cultural, but in the inter-war period he studied mainly the issues of iconoclasm. In this article are given some new biographical details concerning this period of Ostrogorsky's life and also are represented some of his ideas about the matter of the byzantine icon veneration.

Keywords: byzantine studies, byzantine theology and philosophy, iconoclasm, icon veneration, George Ostrogorsky, Antony Florovsky.

Priest Igor Anatolievich Ivanov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of the Department of Foreign Languages and Associate Professor of the Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy (igivan74@mail.ru).